БЛАГОДѢТЕЛЬНИЦЫ.

Варвара Ивановна скончалась — сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ — царство ей небесное; добрая и предобрая была душа, почтенная женщина, всѣ, кто только зналъ ее, всѣ ее уважали.

— И я также, отозвался другой — и я уважалъ ее, потому что за нею точно были добрыя качества; но еслибъ это могло послужить въ назиданіе живымъ, то я бы больно разбранилъ покойницу.

— Какъ такъ? за что? помилуй, не она ли взяла съ улицы двухъ несчастныхъ сиротъ, облагодѣтельствовала ихъ кругомъ, кормила, одѣвала, воспитала, наставила — воля твоя, а одно это дѣло стоитъ того, чтобы память ея была почтена и уважена.

— Да, отвѣчалъ тотъ-же, я все это знаю и все это такъ, отъ слова до слова. Она именно приняла двухъ сиротъ съ улицы, въ полномъ смыслѣ слова безъ куска хлѣба, и эти несчастные, незнавшіе до того другъ друга, сошлись въ домѣ своей общей благодѣтельницы, и сдѣлались назваными

братомъ и сестрой. Она ничего нещадила для нихъ; они не только нужды не знали, но жили и росли, какъ у Христа за пазухой, въ холѣ и полномъ довольствѣ. Это правда.

— Ну, такъ чего жъ тебѣ еще?

— А вотъ чего: Варварѣ Ивановнѣ досталось отъ покойнаго мужа порядочное имѣніе, душъ полтораста, да еще каменный домъ, который давалъ тысячъ десять, да еще осталось чистыми деньгами, какъ сама она сказывала, подъ сотню тысячъ. По смерти мужа, покойница, какъ инеральша, и притомъ какъ женщина умная и разсудительная, не только продолжала жить по прежнему, открыто, но даже раздвинулась еще по шире, не заботясь о томъ, что у мужа былъ доходъ, котораго у нея нѣтъ; что мужъ былъ расчетливый хозяинъ, а она — не тѣмъ будь помянута — умѣла проживать, да не умѣла наживать; что все состояніе ея, при порядочномъ управленіи, можетъ дать до семи или осьми тысячъ серебромъ въ годъ, что это состояніе весьма хорошее — но что при всемъ томъ надо по одежкѣ протягивать ножки, итти впередъ и оглядываться

назадъ; она заботилась только объ одномъ: какъ–бы придумать, лишь только божій день настанетъ, новую и опять новую причуду или затѣю, увѣряя и себя и воспитанниковъ своихъ, что безъ этого жить нельзя на свѣтѣ, и называя такого рода жизнь самою бѣдною, ограниченною и жалуясь всегда на недостатокъ. Разумѣется что она вскорѣ свела домокъ въ одинъ уголокъ, и какъ говорится, спохватилась чепца, когда ужъ не стало и головы. Карета не карета, лошади не лошади — все отборное, щегольское, день денской двадцать человѣкъ за столомъ, прислуги въ домѣ — хоть ими мосты мости, нѣсть числа; дачи, театры, поѣздки всѣмъ домомъ туда и сюда, безъ этого нельзя ей, она бы безъ этого и на свѣтѣ жить не могла; притомъ беззаботливость о хозяйствѣ, гдѣ каждый могъ воровать сколько душѣ угодно — словомъ, мы оглянуться не успѣли какъ порѣшили все. Послѣ насъ остались долги, долги и долги, да нѣкогда дорогое отрепье.

Теперь обратимся къ сиротамъ, которыхъ она призрѣла и спасла отъ гибели, и, не спорю, можетъ быть даже отъ

голодной смерти. Они выросли какъ княженята; о нуждѣ и бѣдности читали они въ дѣтскихъ книжонкахъ, также точно какъ о греческихъ божествахъ, которыхъ знаютъ на перечетъ; но то и другое для нихъ сказки; имъ и во снѣ не видѣлось чтобы нужда могла когда нибудь коснуться ихъ самихъ; что вздумали, что захотѣли — все есть, и притомъ все лучшее, все самое дорогое и рѣдкое, а всего простаго и дешеваго пріучили ихъ чуждаться, пренебрегать имъ, какъ дѣломъ постыднымъ. Что человѣкъ можетъ быть сытъ щами и кашей — не говорю уже коркой хлѣба и ковшомъ воды — и что даже эту пищу долженъ онъ напередъ заслужить и заработать — объ этомъ нѣтъ ни слова, ни во Французскомъ самоучителѣ, ни въ способѣ или обзорѣ воспитанія гувернера, ни въ направленіи, которое дано было этому воспитанію самою Варварою Ивановною. Что можно или даже должно наслаждаться, и притомъ быть всегда недовольнымъ тѣмъ, чѣмъ Богъ взыскалъ — этому научились они рано; а что должно работать, трудиться и нуждаться — объ

этомъ слышали и думали они менѣе, чѣмъ о жителяхъ луны. Но вдругъ благодѣтельница умираетъ; ее нѣтъ. Чѣмъ бы все это кончилось и какъ разыгралось, если бы она прожила еще десять лѣтъ — не знаю; но ее нѣтъ. Заимодавцы однакоже тутъ, и полиція также; она замыкаетъ и печатаетъ цѣлый рядъ великолѣпныхъ комнатъ, оставивъ только двѣ свободными: одну, гдѣ живутъ дѣти; другую, гдѣ лежитъ на столѣ покойница.... дѣлаютъ расчетъ, продаютъ съ молотка и движимое и недвижимое — въ остаткѣ долги, которыхъ никто не заплатитъ, на лицо одинъ только недочетъ; вещей и денегъ нѣтъ, о каретахъ, театрѣ и устрицахъ нѣтъ и рѣчи: только хлѣбъ да вода, да и то христа–ради, отъ добрыхъ людей.... Обманутые заимодавцы разошлись, почесавъ затылки, и дѣло, въ судебныхъ и другихъ мѣстахъ, зачислено рѣшенымъ. Оно въ свое время сдается при описи въ Архивъ. Но гдѣ же наши сироты? Можете ихъ взять на свое попеченіе, господа, кому угодно — но только прошу не забыть, что вы должны держать ихъ по княжески, а не такъ какъ вы можетъ быть

держите своихъ дѣтей, если вы благоразумный человѣкъ; сиротъ этихъ надо поутру поить какимъ–то особеннымъ шеколадомъ, который можно получать у одного только Излера, куда недавно привезена особая машина изъ Парижа, для выдѣлки шеколада; имъ надобно подавать къ завтраку котлетку, составленную, если не ошибаюсь, пополамъ изъ грудинки цыпленка и тетерева; притомъ котлетка эта предварительно обнюхивается и расматривается на свѣтъ маменькой, а за тѣмъ и дѣтьми, которые, не чая въ этомъ никакого худа, не рѣдко объявляютъ, что котлетка сегодня неудачно состряпана, и потому требуютъ другой — и желаніе ихъ поспѣшно исполняется; если они пожалуются на повара, то его наказываютъ, или долго бранятъ; однимъ словомъ, нѣтъ конца причудамъ, которыя какъ будто съ намѣреніемъ, съ большимъ стараніемъ, поселены и развиты въ этихъ несчастныхъ, облагодѣтельствованныхъ покойною Варварой Ивановной дѣтяхъ. Но я уже сказалъ вамъ, что благодѣянія ея кончились; что же ей дѣлать — изза гроба

нѣтъ голоса, ни власти; она сдѣлала что могла, нещадя ничего — теперь, господа, пришла наша очередь; дѣти эти, уже полувзрослые, опять на улицѣ, опять ждутъ своего благодѣтеля.... но какая разница, что они нѣкогда были, и что они теперь? Тогда, они просили только насущнаго куска хлѣба; отдавъ ихъ въ любое учебное заведенiе, даже на выучку къ ремесленнику, куда хотите, вы бы уже оберегли ихъ и пристроили; теперь напротивъ.... да теперь, хоть лобъ взрѣжь, я ничего не придумаю, не вижу самой возможности, какъ и куда ихъ пристроить и дѣвать, что съ ними дѣлать, чтобы не вышло изъ нихъ отчаянныхъ негодяевъ, или чтобы они покрайней мѣрѣ не считали себя отнынѣ и впредь до вѣку самыми несчастными созданiями въ мiрѣ, жертвами того и сего: словомъ, чтобы они когда нибудь могли порадоваться жизни своей, какъ Богъ велѣлъ, и быть полезными членами гражданскаго общества.... Вотъ вамъ благодѣянiя Варвары Ивановны; остается, господа, вывести сиротъ, или прiемышей ея, какъ можно скорѣе въ

князья, и притомъ въ такіе князья, которые бы могли жить очертя голову, не заботясь ни о чемъ. Иначе я пособить имъ не умѣю. Въ одномъ титулѣ имъ бы мало было пользы.

Правда, сказалъ другой собесѣдникъ, избави насъ Богъ отъ такихъ благодѣтельницъ. Это напоминаетъ мнѣ одну солдатку, у которой сынъ былъ, какъ водится, кантонистомъ — мальчикъ видный и здоровый, болванъ почти съ меня ростомъ. — Она занималась стиркой бѣлья поштучно, и тяжкимъ трудомъ вырабатывала довольно бѣдное содержаніе свое; не менѣе того она, изъ любви къ сыну, отказывала самой себѣ во всемъ, а его постоянно кормила калачами, радуясь до слезъ, когда этотъ малютка приходилъ къ ней день за–день голодный, увѣряя что онъ сегодня еще ничего въ ротъ не бралъ, потому что никакъ не можетъ ѣсть казеннаго ржанаго хлѣба; она встрѣчала его калачомъ и провожала другимъ, хотя иногда сама не знала что будетъ ѣсть на другой день. Сынъ, какъ само собою разумѣется, мать свою не ставилъ въ

грошъ, и знался съ нею потому только, что избушка ея была ему притономъ и запасомъ для калачей. Когда разъ както у нея не стало гривны на калачъ — котораго, скажемъ мимоходомъ, она вообще сама никогда не ѣла, а довольствовалась дурнымъ ржанымъ хлѣбомъ — когда, говорю, болванъ этотъ разъ проходился даромъ домой, и вмѣсто калача засталъ однѣ только горючія слезы неутѣшной матери, то онъ ей наговорилъ такихъ вещей, которыхъ право не хочется и пересказывать. Что ты дѣлаешь, сказалъ я ей, развѣ ты не видишь, куда ты его ведешь? Вѣдь изъ него со временемъ выйдетъ бѣдовый негодяй; ему быть солдатомъ, это ты знаешь и этого не миновать; ну откуда же онъ послѣ возметъ калачи эти, когда тебя не станетъ? — Чтожъ, — пусть по крайней мѣрѣ тогда вспомнитъ меня, отвѣчала она, и продолжала кормить его калачами. Къ несчастію я ей напророчилъ правду: сынъ ея пошелъ было по службѣ довольно хорошо, онъ попалъ въ писаря и очень скоро произведенъ былъ въ унтера; но какъ

онъ отнюдь не могъ укусить ржанаго ломтя, а казна калачами не кормитъ, то ему и надо было, вочто бы ни стало, добывать вмѣсто казеннаго пайка свой, и притомъ по своему вкусу. Онъ испыталъ для этого многое, выпрашивалъ, занималъ, обманывалъ, но встрѣтивъ разныя неудачи пустился прямо и просто на воровство. Попавшись разъ другой и будучи наказанъ и разжалованъ, онъ правда вспомнилъ мать, но только такимъ образомъ, что ей бѣдной вѣрно отъ этого помину не лежалось спокойно даже и въ могилѣ. Проклиная ее, онъ пустился во всѣ нелегкія и вышелъ, какъ говорится, пропащій человѣкъ.

Но возвратимся къ покойной Варварѣ Ивановнѣ. Скажите жъ ради Бога, какъ могла умная женщина сдѣлать такую непростительную глупость? Я надѣюсь вы согласитесь, что она не была глупой женщиной? Она въ свѣтѣ слыла даже очень умною и образованною?

Пожалуй, соглашусь: умъ уму рознь. Она жила и выросла въ большомъ свѣтѣ, и весь умъ ея засѣлъ на вѣки въ тѣ кондалы, которыя набиваютъ ему въ кругу этого

общества. Какое нибудь глупое, безсмысленное приличіе, условный обычай, не стоющій ни гроша, цѣнится этими людьми выше всѣхъ благъ земныхъ и — чуть ли не небесныхъ. Кто до такой степени рабъ, холопъ больше свѣтскихъ причудъ, чванства, пустоцвѣта и пустозвона, тотъ глядитъ на вещи не своими глазами, и судитъ уже подобно не своимъ умомъ. У него умъ въ кабалѣ у праздной толпы, у черни въ шелку и золотѣ, а эта чернь несравненно хуже черни въ зипунѣ.

Хорошо — но я бы желалъ знать, я вовсе не могу себѣ представить этого — что такое думаетъ человѣкъ, когда живетъ такъ, какъ жила покойница, какого онъ ждетъ конца, какого спасенія чаетъ отъ петли — какъ можно проживать капиталъ, брать за просто изъ сундука, какъ изъ колодца, не расчитывая доходовъ и не думая о будущности?

Это опять тоже; и это найдешь ты въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, или у людей, которые хотятъ ему подражать. Это мотыги самые безстыдные, безсовѣстные и вредные: мишура или блестка на сегодня,

имъ дороже чѣмъ кусокъ хлѣба на завтра. Есть — такъ они мотаютъ; нѣтъ — такъ занимаютъ; не даютъ, такъ плачутъ. Бываетъ и то — и это не меньшая бѣда — что люди не умѣютъ перемогаться, не умѣютъ ни въ чемъ себѣ отказывать, потому что къ этому не привыкли, также точно, какъ ни одинъ человѣкъ не можетъ отказать себѣ въ пищѣ: они тутъ разницы не видятъ никакой, и сравненіе это показалось бы имъ въ полной мѣрѣ приличнымъ и умѣстнымъ. Но кромѣ тщеславія и ненасытной жадности этой есть качество ведущее на тотъ же путь или распутье: бываютъ люди до того легкомысленные, опрометчивые, безразсудные и безпорядочные, что они безъ няньки или дядьки жить не могутъ. Называйте ихъ умными, коли можете составить себѣ такое понятіе объ умѣ, которое бы вязалось съ понятіемъ объ отсутствіи всякой разсудительности; свѣтъ весьма не рѣдко называетъ ихъ умными. Но оставимъ это и возвратимся лучше къ сиротамъ; скажите же, что изъ нихъ выйдетъ? какая судьба ихъ ожидаетъ.

Это можетъ разыграться различнымъ образомъ — почемъ знать, чего не знаешь — но къ сожалѣнію гораздо болѣе вѣроятности, что дѣло кончится дурно. Во первыхъ пріемышамъ предстоятъ теперь два–три года страшнаго искуса, отъ которыхъ ихъ никто не избавитъ: они будутъ бродить это время какъ въ чаду, проливая день–за–день горькія слезы по своей благодѣтельницѣ и почитая себя самыми несчастными существами въ мірѣ. Имъ не пойдетъ въ голову ничего, они отупѣютъ и это нравственное пораженіе повлечетъ за собою изнеможеніе плоти, хилость. Жизнь дана намъ на радость — а здѣсь искаженное воспитаніе, превратное образованіе ума и сердца, превратятъ ее въ печаль. Между тѣмъ, по закону природы, придетъ время самостоятельности — а ее–то и нѣтъ у нихъ. Дѣвочка очень легко можетъ быть совращена на путь самый дурной: роскошь, какъ потребность для нея, легко увлечетъ ее за собою туда, куда будетъ манить, обѣщая блескъ и довольство; мальчикъ, который еще годомъ старше названой сестры своей, вѣроятно долженъ

будетъ, куда ему больше дѣваться? — поступить куда нибудь на службу: тщеславіе повлекло бы его въ гусары или уланы, потому только что онъ смолоду привыкъ считать наружный блескъ существеннымъ дѣломъ; но недостатокъ средствъ не дозволитъ ему итти въ конницу. Вѣроятно онъ и пѣхоту предпочтетъ службѣ гражданской, о которой говоритъ не иначе какъ съ презрѣніемъ; положимъ что онъ вступитъ на дворянскихъ правахъ — какой изъ него выйдетъ офицеръ? онъ десять разъ сряду попадется въ небреженіи къ службѣ, потому что для изнѣженнаго, избалованнаго тѣла, холя и удобство всего дороже; служба ужъ конечно будетъ намъ не по нутру, а думаемъ мы только о томъ, какъ–бы поскорѣе шпорами брякнуть по паркету; вотъ наша служба! кромѣ того намъ никакъ нельзя будетъ жить барономъ — пыль въ глаза пустить надо, это одна только благородная, истинная цѣль жизни; коли не прихвастнуть, то чѣмъ же болѣе и повеличаться? чѣмъ отдалиться — отъ толпы? лишь бы кто намекнулъ, что надо–бы кутнуть, то мы тотчасъ же пустимъ

ребромъ и свое и чужое; не цѣня не уважая своей собственности, мы подавно не можемъ уважать и чужой; для насъ все трынъ–трава и мы проповѣдуемъ, что стыдно заботиться о такихъ пустякахъ, какъ деньги, и въ особенности стыдно требовать, чтобы человѣкъ платилъ долги. Попадись ему за тѣмъ въ руки деньги казенныя — и онъ ихъ также точно пробаронитъ и заплатитъ за нѣсколько буйныхъ ночей своею честью, какъ названая мать заплатила будущностію своихъ питомцевъ. При всемъ томъ, если хочешь, можешь назвать умнымъ и его, какъ покойницу Варвару Ивановну: способностями Богъ его наградилъ, кой–какія поверхностныя познанія есть, по Французски мы болтаемъ свободно, разсуждать умѣемъ обо всемъ; но куда и къ чему бы мы пригодились на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ дармоѣдства, этого я не знаю; а еслибъ подъ каблуками хлѣбъ росъ, то мы бъ его въ мазуркѣ посѣяли много.

Въ Москвѣ жила когда–то извѣстная благодѣтельница, которая, какъ общая молва ходила, посвятила и себя и почти все

состоянiе свое воспитанiю безпрiютныхъ сиротъ. Она ихъ набирала по–два и по–три почти ежегодно, кормила, одѣвала, обувала, учила и воспитывала, содержа для этого постоянно наставниковъ. Когда двое или трое изъ этого домашняго благотворительнаго заведенiя были на выпускѣ, то устроивался праздникъ, великолѣпное торжество, къ которому приглашалось бездна гостей; ученики и ученицы на испытанiи показывали изумительные успѣхи, то есть, говорили блистательныя рѣчи, особенно на иностранныхъ языкахъ, плясали прелестно самые модные танцы, подносили картины съ подписью своихъ именъ, большею частiю работы учителя, или учениковъ одного изъ заведенiй, гдѣ преподавалъ тотъ же учитель; многiе пѣли, играли на фортепiано и прочее. Распросите же теперь и узнайте куда дѣвались эти облагодѣтельствованные, и что изъ нихъ вышло? Я считаю того изъ нихъ счастливымъ, о комъ ничего неизвѣстно, кто заглохъ въ молвѣ и гдѣ–то пропалъ безъ–вѣсти; остальные, къ сожалѣнiю, каждый въ свою очередь были

извѣстны не только въ тѣсномъ кругу своемъ, но ославились даже на половину Москвы. Благодѣтельница горько плакалась на неблагодарность ихъ, и оплакивала поочередно, годъ–за–годъ, почти всѣхъ своихъ пріемышей; но это ее нисколько не могло вразумить, она все опять набирала ихъ снова и вела тѣмъ же путемъ: она, во первыхъ, забывала изъ какого состоянія они взяты и что ихъ ожидаетъ въ будущности; во вторыхъ, любила ихъ очень — но любила какъ мосекъ, обезьянъ, попугаевъ, — то есть, безсмысленно, безсознательно и потому губительно. Въ третьихъ, она ихъ держала собственно ради скуки и своей забавы. Всѣ потребности образованія разсчитывались по этому мѣрилу, и мгновенная прихоть всегда рѣшала приказъ и отказъ, потому что одна только причуда управляла этою странною женщиной. Дѣти шаркали по паркету, валялись по персидскимъ коврамъ, носили бѣлье голандскаго полотна и обѣдали за однимъ столомъ съ хозяйкой — и столъ этотъ всегда былъ отборный; дѣтямъ всего болѣе и чаще доставалось за то, чтобы они

умѣли вести себя прилично, то есть достойно того дома, гдѣ они воспитываются; но вдругъ благодѣтельницѣ мерещилось, что они забываются, что они не благодарны и зазнаются: тогда ихъ осыпали жестокими укорами, грызли голову, упрекали о нищенскомъ ихъ происхожденіи, и на нѣсколько дней одѣвали въ армяки, обували въ лапти и ссылали въ людскую. Вскорѣ гнѣвъ смѣнялся милостію, и онѣ снова попадали въ любовь, особенно по просьбѣ любимой горничной барыни, и ихъ одѣвали графчиками, и опять сажали за боярскій столъ. Лгать и воровать всѣ они выучивались основательно въ этомъ заведеніи своей благодѣтельницы, потому что вынуждены были угождать на людей, быть за одно съ прислугой и съ негодяями, приставленными для ихъ воспитанія. Куда послѣ того, съ такими началами, дѣваться бѣлоручкѣ, у котораго нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго? куда дѣваться, съ полькой и французской кадрилью, дочери какого умершаго комиссара 15 класса, куда другому молодому человѣку, у

котораго были въ живыхъ только тетка просвирня, да пьяный дядя, торговавшій на рогожѣ железнымъ ломомъ — между тѣмъ какъ племянникъ этотъ вышелъ отборнымъ франтикомъ, мечтавшій уже нѣсколько лѣтъ, подъ кровомъ благодѣтельницы своей, о томъ только, какъ онъ будетъ перемѣнять перчатки по мастямъ, смотря по времени дня, и какъ онъ будетъ носить такіе сапоги, которые ровно ни чѣмъ не отличаются отъ дамскихъ бальныхъ башмачковъ? Куда дѣваться имъ и что изъ нихъ выйдетъ?

Подумайте объ этихъ благодѣтельницахъ, господа, и коли у васъ есть между ними знакомыя, то облаготворите ихъ самихъ, передачею слово въ слово нашего сегоднишняго разговора.